

Литературный журнал
Артикль №4

Коллектив авторов
Артикулъ. №4 (36)

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Артикулъ. №4 (36) / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855639-5

Израильский журнал «Артикулъ» – неординарное явление в современной литературе. Это издание собралo под одной обложкой лучшие литературные силы не только той страны, в которой оно создаётся, но и всего русскоязычного мира. Теперь «Артикулъ» выходит к читателям одновременно в электронном и бумажном издании. Это четвёртый номер обновлённого журнала.

ISBN 978-5-44-855639-5

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Проза	6
Дина Рубина	6
Снег в Венеции	6
1	6
2	12
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Артикул №4

Редактор Яков Шехтер

Редактор Михаил Юдсон

ISBN 978-5-4485-5639-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза

Дина Рубина

Снег в Венеции

«...Вступает домино – и запретов более не существует. Все гениальнейшие в городе убийства, все трагедии ошибок случаются во время карнавала, в течение этих дней и ночей, когда мы – на миг – обретаем свободу от рабства паспортных данных, от самих себя...»

Лоренс Даррелл, «Балтазар»

Более всего этому городу идет ночь, и, вероятно, особенно хорош бывал он в зловещем свете факелов, в каком-нибудь семнадцатом столетии.

Впрочем, тревожное пламя факела и сейчас иногда озаряет вход в ночное заведение, заманивает в глубокую арку или обнажает подраненный бок кирпичной стены, – который неосознанно хочется чем-нибудь подлатать.

С наступлением темноты в черной воде каналов тяжело качаются огненные слитки света. Под каменным гребнем моста Реальто ворочаются с боку на бок гондолы, задраенные на ночь синим брезентом. Мелкая волна раздает оплеухи набережным и сваям, а у входа в палаццо, где мы пьем последнюю за день чашку кофе, два гигантских фонаря на причале освещают витые деревянные столбы, увенчанные полосатыми чалмами, что свалились сюда из сказки о золотом петушке и Шамаханской царице...

1

Но бешеный рваный огонь возник перед нами во второй вечер карнавала, на узкой улочке в районе Каннареджо, на вид совсем уж захолустной. Мы сбежали туда с площади Сан-Марко, чьи мраморные плиты, усыпанные конфетти, утюжила подошвами ботфорт и золоченых туфель, мела подолами юбок и плащей возбужденная костюмированная толпа.

Только что на пьядце завершилось театрализованное представление в роскошных декорациях, возведенных по эскизам главного сценографа Ла Скалы. Золотом и бархатом сверкали расписанные красками фанерные ложи, экран на заднике сцены в десятки раз увеличивал фигуры отцов города в костюмах венецианских дождей, и когда, овеянные штандартами, они под барабанный бой и вопли фанфар спустились, наконец, со сцены, публика ринулась к трехъярусному фонтану, – подставлять кружки, пригоршни, футляры от очков и даже туфельки – под розовые струи вина провинции Венето...

А мы брели в туманном киселе февральских сумерек, дивясь меланхолическому одиночеству этой улицы, как бы утонувшей, исчезнувшей с карты карнавала, – возможно, по случаю перебоев с электричеством. Видимо, город, не выдерживая напряжения всех карнаваловых огней, отключал на время какие-то, менее туристические районы. Хотя и тут мы то и дело наткнулись на извечные венецианские промыслы: за арабской вязью низкой приоконной решетки мастерской по изготовлению масок лежал брикет скульптурного пластилина, стояла банка с кистями, кастрюлька с клеевым раствором, ступка с пестиком набекрень...

Мы шли, и я рассказывала Борису о вычитанной в одной из книг о Венеции изобретательной и веселой казни, которую практиковали в дни карнавалов: осужденного на смерть преступника выпускали на канат, натянутый для канатоходцев между окнами палаццо.

– Ну что ж, – благодушно отозвался Боря, – все-таки, шанс...

– О, да: либо пройдешь до конца и спасешься, либо – умри шикарной смертью артиста.

Вдруг из арки впереди выплеснулась лужа огня. За ней вынырнула фигура высокого мужчины в черном плаще с капюшоном. То, что это «мороз», видно было не только по маске, но и по явно загримированной мускулистой руке, в которой пленным пламенем опасно захлебывался факел. Мы даже отпрянули, хотя карнавальная мавра находилась шагах в сорока от нас.

– Ты идешь? – крикнул он по-английски кому-то за спиной.

– П-п-погоди, тужель падает! – Из той же арки возникла высокая тонкая фигура в лилово-дымчатом, цвета сумерек, платье, в серебристой полумаске и круглой шапочке на пышных каштановых кудрях. Девушка огляделась по сторонам, обеими руками подхватила подол юбки и заспешила вслед за своим грозным спутником.

– Хороши!.. – невольно выдохнула я.

Они повернули к горбтому мостику в конце улицы (яростный огонь в вытянутой руке мавра метался по кирпичу стен, вывалив пылающий язык, словно ищейка на обыске), поднялись по ступеням на мост и канули – так за горизонт уходят корабли, – утянув за собой отблески пламени. И наступила тишина, такая, что в воздухе родился и долго дрожал где-то над дальним каналом стон гондольера:

– О-о-и-и-и!..

– Знаешь, кто это был? – спросил Борис. – Та странная пара, с нашего катера.

– С чего ты взял? Как тут опознаешь...

– Да по голосам, – отозвался муж. Довод в нашей семье убедительный: он безошибочно узнает голоса актеров, дублирующих западные фильмы.

– К тому ж, она заикается, – добавил он. – Ну, и рост: оба такие заметные... Наверное, костюмы напрокат взяли... Недешевое удовольствие! У них и чемодан был – помнишь, какой?

И пустился в рассуждения о том, что чернокожие очень органичны в этом культурном пространстве: достаточно вспомнить картины венецианца Веронезе, со всеми его курчавыми арапчатами, живописными иноземными купцами в тюрбанах, лукавыми черными служанками...

– Да и тот же Отелло, – подхватила я, – как ни крути, не последним тут был человеком.

Кстати, чернокожий портье у нас в гостинице был добродушен, предупредителен, расторопен и, на мой слух, отлично говорил по-итальянски. Впрочем, и я, на слух непосвященных, отлично говорю на иврите...

Мечта о венецианском карнавале сбылась неожиданно-негадано, и сбылась, как это часто бывает, в считанные минуты: просто я заглянула туда, куда обычно не заглядываю: в рекламный проспект компании «Виза», который получаю каждый месяц по почте, вместе с распечатками трат, по мнению моих домашних, «ужасающими». Там, наряду с путешествиями в глянцевые Барселону, Таиланд и Китай предлагался «Карнавал в Венеции: полет + три ночи в отеле»... Цена выглядела вполне одолжимой, тем более, если покрошить ее на платежи, – как голубиный корм на Сан-Марко. И, не давая себе ни минуты, чтобы опомниться, я позвонила и радостно заказала два билета...

В то время мы с Борисом уже задумали эту странную совместную книгу, где оконные переплеты в его картинах плавно входили бы в переплет книжный, а крестовина подрамника

служила бы образом надежной крестовины окна-сюжета. И без венецианских палаццо – с кружевным и арочным приданным их византийских окон, – вышло бы скучновато.

– Ну, ясно, отчего так дешево, – огорченно заметил мой муж.

Он изучал в Интернете карту на сайте отеля.

– Мы загнаны в Местре.

– Как?! С чего ты взял?! – ахнула я.

– С того, что неплохо на адрес гостиницы глянуть, прежде чем банк метать...

Я глянула и со стоном убедилась, что мы опять, из-за моего придурковатого энтузиазма обречены молотить кулаками воздух после драки.

А тут еще Борис припомнил слова нашей итальянской подруги о том, что на карнавальную неделю венецианский муниципалитет расставляет по городу регулировщиков, дабы направлять по узким улицам потоки туристов.

– На эти дни надо снимать комнату исключительно в центре, – говорила она. – Жить в пригороде во время карнавала – это самоубийство: сорок минут в электричке, толкотня, жулье, столпотворение народов, и уже к полудню – отброшенные копыта.

– Хочешь, пошарю в Интернете? – сочувственно предложила дочь, забежавшая к нам после университета. – Вдруг что-то выловлю...

– Да бросьте вы! – крикнул Борис из мастерской. – Безнадежно... Люди разбирают гостиницы на карнавал по меньшей мере за год.

Однако вечером дочь позвонила.

– Слушай, тут выплыла комната! Может, кто отказался. Отель – три звездочки, в двух шагах от Сан-Марко. Но – недешево. И учти, за номер в Местре денег вам тоже никто не вернет...

– Сколько? – нетерпеливо оборвала я.

Она назвала сумму, от которой я задохнулась.

– Сволочи, сволочи, сво-ло-чи!

– Само собой, не заказываем?

– Заказываем, само собой!!! – крикнула я, как раненный заяц. Деваться-то было некуда.

Мы опасались, что в очереди на катер «Аэропорт – Венеция» придется отстоять немало времени, но – приятная неожиданность – поток пассажиров хлынул к стоянке такси и сильно обмелел на подступах к кассам общественного морского транспорта. Так что, свободно купив билеты, мы вышли на причал и спустились в салон небольшого катера, что терпеливо вздрагивал на холодном ветру и всхлипывал в мелкой волне, как дремлющий пес на привязи...

Я плюхнулась на скамью возле иллюминатора и тоже задремала, а когда проснулась, катер уже взрыхлял лагуну, точно плуг – разбухшую почву, прогрызая в зеленой воде пенистый путь, и как от плуга, плоть волны разваливалась по обе стороны от винта. В какой-то момент поодаль возникла и развернулась каменная ограда кладбища Сан-Микеле... Зимнее солнце стекало по черному плюшу кипарисов на камни ограды, быстро перекрашивая их широкой кистью в розовый цвет. Мы огибали острова, причаливали, сгружали туристов, раскачиваясь и со стуком отирая бок о причал, и вновь сиденье подо мной дрожало, вновь дребезжало какое-то ведро на корме, и между бакенами убежал назад кипучий хвост адриатической волны...

Борис, как обычно, что-то набрасывал карандашом в дорожном блокноте, бегло вскидывая взгляд и опять опуская. Я скосила глаза на лист и увидела портреты двух пассажиров. Зарисовывать их можно было, не скрываясь: слишком оба заняты собой, причем, каждый – собой по отдельности.

Необычная пара: он – высокий, смуглый, атлетического сложения пожилой господин в длинном пальто, с абсолютно лысой, а может быть, тщательно выбритой головой брюзгливого римского патриция. А она... красавица из красавиц. Я даже себе удивилась: как могла пропустить такое лицо!

Юная, лет не больше двадцати, тоже высокая и смуглая, в расстегнутом светлом плаще, который она то и дело нервно запахивала. Редкой, прямо таки музейной красоты лицо, из тех, что глянешь – и лишь руками разведешь: нет слов! Как обычно, дело было не в классических чертах, что сами по себе погоды еще не делают, а в их соотношениях, в теплом тоне кожи, в каких-то милых голубоватых тенях у переносицы, в ежесекундных изменениях выражения глаз. А сами-то глаза, ярко крыжовенного цвета, глядели из-под бровей поистине соболиных: густые разлетные дуги, прекрасное изумление во лбу. Это все и определяло: неожиданный контраст смуглой кожи с весенней свежестью глаз, да еще роскошная грива темно-каштановых кудрей, спутанных маятой ночного рейса.

Господин в длинном пальто всю дорогу непрерывно говорил по двум телефонам, не обращая на спутницу ни малейшего внимания, хотя она то и дело к нему обращалась, даже подергивала за рукав, – как ребенок, что пытается обратить на себя внимание взрослого. Время от времени он вскакивал и разгуливал по салону катера, содрогавшемуся в усилии движения, и вновь садился, нетерпеливо перекидывая ногу на ногу, иногда грозно порывкивая на невидимого собеседника. Похоже, он давал указания сразу трем туповатым подчиненным или заключал по телефону сразу три крупные сделки. Говорил на каком-то, смутно знакомом мне по звучанию языке, хотя девушке отвечал – да не отвечал, а буркал, – по-английски. Возможно, ему не хватало терпения ее выслушивать: она довольно сильно заикалась. Юной красавице он годился в отцы, хотя мог быть и мужем, и возлюбленным, и боссом.

Наконец, дорога меж бакенами сделала очередную дугу, катер лег на бок, разворачиваясь, и утренней акварелью на горизонте – слоистая начинка черепичных крыш меж дрожжевой зеленью лагуны и прозрачной зеленью неба – открылись купола и колокольни Венеции, к которой катер энергично припустил вскачь, как пес, завидевший хозяина.

...Интересная пара сошла на остановке «Сан-Заккария». Поспевая за мрачноватым спутником, девушка пыталась обратить его внимание на глянецовый листок какой-то рекламы, который извлекла из сумочки. В тот же миг в кармане его пальто очередной раз грянул марш, он выхватил телефон и прикипел к нему, отмахиваясь от девушки.

– Ты обратила внимание, какой у них чемодан? – спросил Борис.

Явно очень дорогой чемодан на упругих колесах, с множеством накладных карманов, застежек и ремней катил за хозяевами послушно и легко, и казался общим ребенком, которого усталые родители волокут домой за обе руки.

Наш отель стоял на одном из каналов. Попасть в него с набережной можно было только через горбатый мостик: мини-аллюзия на замок с перекидным мостом через средневековый ров. Высокие окна вестибюля, – днем, несмотря на холод, открытые, – тоже выходили на канал, и во всех трех – изобретательная дань карнавалу! – присели на подставках дивные платья 18 века: одно – классической венецианской выделки, бордо с золотом, все обшитое тяжелым витым шнуром; второе – пенно-голубое, сборчатое, облачное, обвитое лентами по плечам и талии, присыпанное серебряными блестками по кромке открытого лифа. Третье же – черное, траурное, отороченное белыми перьями, – оно и было самым завораживающим, и стоило любой увертюры. А длинные накидки к платьям, искусно уложенные драпировщиками, в изнеможении спускались по ступеням до самой воды...

Присутствие жизни восемнадцатого столетия было столь ощутимым, что самыми несуразными и неуместными казались мы, с нашими фотоаппаратами.

Зато на соседней площади процветал модный магазин-галерея, где дизайнерскую одежду представляли забавные манекены: вырезанные из фанеры и искусно раскрашенные венецианские дожи, в чем мать родила. Причем, это были вполне исторические лица, о чем свидетельствовали таблички: почтенные старцы Леонардо Лоредано, Франческо Донато, Себастьяно Веньер и Марк Антонио Тривизани стояли в коротких распахнутых туниках и в дамских туфлях на высоких каблуках. Их жилистые ноги и козлиные бородки в сочетании с женской грудью, вероятно, должны были что-то означать и символизировать – не саму ли идею карнавала, стирающего без следа приметы лица и пола?

– Нет, нет, – повторял Боря, продираясь сквозь вечернее столпотворение на пьядце Сан-Марко, поминутно оглядываясь, – поспеваю ли я за ним. – Нет, это профанация великой темы. И грандиозные деньги, вколоченные в туристический проект.

И в самом деле: умопомрачительное великолепие костюмов встречных дам и кавалеров наводит на мысль о статистах, оплаченных муниципалитетом Венеции. Уж очень дорого обошлись бы такие костюмы обычным туристам, уж слишком охотно персонажи останавливают свой величавый ход и дают стайкам фотографов себя снимать. Они кланяются, садятся в глубоком книксене, трепещут веерами и элегантно отставляют трости, напоказ расправляют плечи и раскрывают медленные объятия...

Мы опоздали к открытию карнавала, к волнующему «Il volo dell'angelo», – «Полету ангела». Правда, в самолете по телевизору мелькнул этот, действительно потрясающий эпизод карнавала: прекрасная ангелица – а la лыжник с горной вершины, – съезжала на металлическом тросе с высоты колокольни Сан-Марко, и летела, и летела к Палаццо Дукале, а за ней пламенеющим драконом стелился над площадью двенадцатиметровый плащ, сшитый в виде гигантского флага Венеции.

Ко времени нашего приезда карнавал уже созрел, как пунцовая гроздь винограда, настоялся на озорной и злой свободе, как хорошее вино, а, главное, оброс многолюдными компаниями, что шляются весь день, от одной траттории к другой, или просто колобродят с полудня и до рассвета по улицам, набережным и мостам.

Часам к одиннадцати утра ты оказываешься в тесном окружении знакомых и незнакомых личин и персонажей, в коловращеньи масок, полумасок, плащей, накидок, пелерин... Круглощечие «вольто», лукавые «коты», клювоносые «доктора чумы», безликие домино, прекрасные венецианки, колумбины, арлекины, демоны и ангелы; наконец, самые распространенные: зловещие, с подбородками лопатой, с выразительным именем «ларва» – белые маски к черному костюму «баута»... и прочие традиционные персонажи карнавала вперемешку с изумительно сшитыми, действительно штучными изысканными нарядами.

Где-то я вычитала, что коренные венецианцы никогда не берут напрокат костюмы в лавках, предлагающих товар приезжим иностранцам. Они комбинируют, подправляют, перешивают старые костюмы персонажей комедии дель-арте, что сохраняются в семьях из рода в род, несмотря на то, что современный карнавал возродился не так давно, – годах в семидесятых прошлого столетия.

Словом, к полудню ты вовлечен в водоворот сорвавшихся с привязи туристов.

Ты утыкаешься в спины и животы, облаченные в камзолы и платья, из шитых золотом: парчи, атласа, бархата, гипюра и муара; извиняешься перед гобеленовой жилеткой, шарахаешься от мундиров всех армий и времен (с преобладанием почему-то формы наполеоновской

гвардии); перед тобой мелькают пудренные парики, павлиньи перья, ожерелья и кружева, боа и манто, мех горносталя, плюсовые и гофрированные воротники, красные и синие кушаки...

А уж шляпы – это здесь особый вид низко летающих пернатых: залихватские треухи, широкополюе многоэтажные пагоды с цветами и бантами, крошечные прищепки с вуалями и мушками, островерхие шляпы звездочетов, шутовские двурогие колпаки с бубенцами, а также тюрбаны, чалмы, треуголки, фески... И в этой тесноте надо беречь глаза и лбы от тюлевых зонтиков, золоченных тростей, перламутровых лорнетов, мушкетеров, шпаг и кривых ятаганов...

Вокруг – кобальт и пурпур, мрачное золото и старое серебро венецианских тканей, леденцовый пересверк цветного стекла, трепет черных и белых вееров, невесомое колыханье желтых, лиловых, лазоревых и винно-красных перьев и опахал.

Если удастся скосить глаза вниз – видишь парад изящнейших туфелек, высоких ботфортов, пряжек и шпор, но и кроссовок тоже, и банальных зимних ботинок и сапог – не у всех достает денег или вкуса для полной экипировки...

На площадях, на центральных улицах расставлены складные столики с коробками и баночками грима; за небольшую плату тебя разукрасят так, что родная мама остолбенеет. За считанные минуты волен ты присоединиться к карнавальному большинству. Сначала и я подумывала – не изукраситься ли как-нибудь эдак, – но увидев трех разухабистых пожилых дам с нарисованными флагами Италии на дряблых щеках, решила не рисковать.

– Нет, это в былые времена романтика карнавала чего-то стоила, – бубнил мой муж, натываясь на барабан, висящий у кого-то на поясе, и извиняясь перед чьей-то спиной. – Демоны Хаоса выходили из подполья... летели все тормоза, все сословные предрассудки. Вихри темной воли закруживали город. И тогда уж ни патриция, ни инквизитора, ни конюха, ни монаха... Ни жены, ни мужа, ни любимого... Воздух был пропитан запахом вендетты! Треуголка на голове, шпага и черный плащ наемного убийцы, безликая «ларва» на лицо – вот она, твоя личная смертельная игра, твой образ небытия, твои призраки ночи в свете факелов... А это вокруг – что? Развлекуха для богатых иностранцев.

Стоит только покружиться часа полтора по piazzе Сан-Марко и окрестным улицам и площадям, – и на тебя накатит особый род карнавального отупения, – когда ничто уже не может остановить и задержать хоть на мгновение твой рыщущий взгляд: ни дама с золотой клеткой на голове, в которой две живые зеленые канарейки прыгают и расппевают, заглушаемые барабанным боем и гомоном толпы; ни жонглеры на ходулях, ни живые скульптуры на каждом углу; ни ансамбль фламенко, пляшущий на отгороженном рюкзаками пятачке piazzетты...

Нет, вру: в память врезался мальчик лет двенадцати: худенький даун в черном костюме дворянина со шпагой, но без маски. Он стоял на ступенях какой-то церкви и смотрел вниз на пеструю визжашую толпу. Его, типичное для этого синдрома, монголоидное лицо выражало странную сосредоточенность, не вовлеченность в бурлящее вокруг веселье. Он крепко держал за руку маму, тоже одетую в карнавальный костюм, и пристально смотрел в одну точку перед собой, как бы сверяя с кем-то внутри или вовне свои мысли, а уголки его губ изредка выдавали тайную улыбку: вот я тоже здесь, я тоже в костюме, я ждал и готовился, и я тут, на карнавале, как все вы...

По ступеням на паперть взбежала хохочущая Коломбина, с намерением повеселить друзей внизу то ли спичем, то ли еще каким-либо вывертом, но наткнулась на отрешенный взгляд мальчика и спрыгнула вниз, снова ввинтившись в толпу.

Я тоже встретила с ним взглядом и замерла: черный ангел, вот кто это был. Черный ангел, посланец строгий, напоминающий: – да, карнавал отменяет все ваши обязательства, все условности, все грехи... Веселитесь, братцы. Веселитесь еще, крепче веселитесь! Но я-то здесь, и я вижу, все вижу...

К концу первого дня перестаешь фотографировать каждого встречного в костюме. На второй день к ряженым привыкаешь так, что именно их начинаешь принимать за коренных венецианцев. Уж очень органичны все эти плюмажи, парики, трости и веера в арках и переходах, на мостиках и каменных кампо, на стремительных гондолах, которые всем своим обликом и самой своей идеей предназначены к перевозке таких пассажиров...

И тогда возникает странный перевертыш восприятия: как раз туристы в современной одежде, зрители и ценители карнавального действия, прибывшие сюда со всех концов света, производят диковатое впечатление посланцев чужой, технологически развитой планеты. Вот и движутся бок о бок по улицам и площадям самого странного на земле, прошитого мостками, простеганного каналами нереального города представители двух параллельных цивилизаций.

Нам повезло даже и в метеорологическом смысле: колючий зимний дождик покропил нас лишь в первое утро. Зато лохмотья тумана чуть не до полудня носились над лагуной, цепляясь за колокольни и купола, – как безумные тени Паоло и Франчески.

Мы выходили из отеля еще затемно, когда карнавальная Венеция уже засыпала после буйной ночи. Февральский холод немедленно запускал ледяные щупальца за шиворот. Немилосердно стыли руки, глотки тумана оставляли на губах вязкий водорослевый привкус. В тишине спящего города, в рассветной мгле лагуны перекликались лишь гондольеры, торопящиеся выпить чашку кофе в ближайшем заведении:

– Микеле! Бонжорно, команданте! – голоса глохли в тихом плеске воды...

Безлюдье улиц и набережных на рассвете было само по себе удивительным – в этом городе в дни карнавала, – но в нем-то и заключалась притягательная странность наших прогулок по зыбкому краю ночи. Впрочем, редкие туманные тени то и дело возникали перед нами на мостах, подозрительно юркали в переулок, стыли в парадных и нишах домов.

Однажды из-под моста вынырнула крыса, бросилась в воду и переплыла канал...

В первое же утро (все – в сепии, все являет собой рассветный пепельный дагерротип: арка со ступенями к воде, смутный мостик вдали, черный проем дверей уже открытой церкви, вода цвета зеленой меди, взвесь острых капель на лице...) – нас обогнал и проследовал дальше длинный и тонкий господин в норковой шубе до пят. Словно мангуста или еще какой хищный зверек вдруг поднялся на задние лапы, виляя нижней частью туловища, быстро взбежал на мостик и, прежде чем исчезнуть в рассветном сумраке, вдруг обернулся на миг – я схватила Бориса за руку, – в маске мангусты или хорька блеснули черные глазки.

Можно было лишь гадать о ночных похождениях данного хищника...

2

В какой момент мы стали придумывать сюжет для тех двоих, – для пары с нашего катера? Когда встретили их в галерее Академии? Да нет, в ту минуту мы лишь переглянулись – надо же, какие бывают невероятные совпадения: в третий раз столкнуться в городе, – допустим, это маленькая Венеция, допустим даже – карнавал, то есть, бесконечное кружение по одним и тем же улицам, неизбежные пересечения в густом вареве многолюдья... И все же...

В Академию мы попали после утреннего похода на воскресный рыбный рынок. Но еще раньше, выйдя из отеля и понимая, что буквально через час-другой пестрая толпа вывалит на улицы, решили обойти несколько площадей в районе Дорсодуро и Сан-Поло. Мы охотились

за окнами исконно византийского кроя, и радовались, когда удавалось обнаружить на фасаде какого-нибудь палаццо не замеченную прежде разновидность этого стиля – с навершиями, точно ладони, со сложенными легонько пальцами в характерном жесте индуистского танца, или дружную чету высоких узких окон, похожих на островерхие шапки кочевников.

Тогда Борис выхватывал фотоаппарат и принимался искать нужную точку обзора – отбежал, приближался, закидывая голову, делал помногу снимков.

И вновь сожалел, что среди романтического размаха этой невероятной архитектуры уже не встретишь роковых игрищ средневековых страстей... Полет плюс три ночи в отеле, повторял он, саркастически улыбаясь, – жалкая участь туриста! Даже не знаю, на что ты собираешься нанизать всю эту красоту, говорил; мне-то что, – я живопись в каждой подворотне найду. А вот ты? Где сюжет? Сюжет где?! И высоким трагедийным голосом в десятый раз за эти дни читал Вяземского:

Экипажи – точно гробы,
Кучера – одни гребцы.
Рядом – грязные трущобы
И роскошные дворцы.
Нищеты, великолепия
Изумительная смесь;
Злато, мрамор и отрепья:
Падшей славы скорбь и спесь!

Я огрызалась: не трави, мол, душу. Однако в чем-то он был прав: такие фасады взывали к страстям и драмам отнюдь не туристической температуры.

Между тем, в нашей «венецианской котомке» уже было изрядно собрано окон: угловых балконных, трехчастных палладианских, готических, ренессансных, с полуциркульными арками и с арками в форме взметнувшегося пламени; с витыми миниатюрными колонками, разделяющими полукруглых близнецов. Были окна, что стояли в низкой ограде балкончика, точно стакан в подстаканнике. Встречались и парадные, со звонкими витражами в свинцовых переплетах, и таинственные – со стеклами в дутых кругляшах, словно заводи с икринками...

Когда раздвигались складчатые кулисы их ставен, – зеленых, темно-голубых или карминных, – казалось, что вот-вот начнется действие. Любому персонажу в окне, любой, случайно возникшей там фигуре, это придавало восхитительную театральную загадочность.

Во время одной из прогулок мы видели, как в темно-красных кулисах на третьем этаже небольшого палаццо возник молодой человек. Он быстро и раздраженно что-то говорил по телефону, протягивая руку с сигаретой в окно, словно обращался к публике внизу, на площади. Это был весьма пылкий монолог, изумительно оркестрованный интонационно: голос то взлетал в вопросительном броске, то скандировал слова в патетическом утверждении, то бесильно соскальзывал в стонущей просьбе вниз...

Здание явно стояло на ремонте.

– А это подрядчик базарит с поставщиком, – предположил Боря. – Что-то там не завезли, бригада простаивает. Но какая убедительность, какие пластичные жесты, какое византийское величие мизансцен!

И вот, первая утренняя «заметка»: на кампо Санта-Мария Формоза о чем-то долго препирается и договаривается группа престарелых американских туристов (возможно, члены ассоциации друзей карнавала) – в помпезных, явно дорогих костюмах дам и кавалеров шестнадцатого века. Затем, они долго выстраиваются попарно (дама об руку с кавалером), и, наконец, – очень серьезные, даже насупленные, – медленно и торжественно пересекают площадь, в полном молчании шаркая средневековыми туфлями, и удаляются в арку с указателем: «Реальто»...

Мы нырнули туда же, миновали гребенку Реальто, задраенную плотной рябью металлических жалюзи, и оказались на задах Рыбного рынка. Здесь еще были спущены кулисы – синие, красные и зеленые брезентовые полотнища. Но рынок уже проснулся, уже расправлялась его морская душа, его торговые щупальца уже тянулись к самым дальним прилавкам.

По мере разгрузки моторок, барок и барж, что чалятся на боковом к рынку канале, по мере того, как солнце все ярче румянит докторские раструбы старинных каминных труб, а заодно и жирных голенастых чаек, сидящих на них в ожидании законного завтрака, – брезентовые кулисы взвиваются и сворачиваются, как цветные паруса, превращаясь в тяжелые бревна перевитых свиных колбас. Зрению зевак, туристов и хозяек предстают интимные внутренности лагуны, разложенные на прилавках в изысканно продуманном порядке, как жемчужные и коралловые нити, браслеты и диадемы – в витринах ювелирных лавок.

Черные, как гондолы, раковины мидий, буро-зеленые орешки вонголе, бледные лоскуты камбалы, перламутровые россыпи осьминогов, опаловые коконы креветок, панически растопыренные ладони морских звезд, будто вырезанных из раскрашенного картона, и – неисчисляемые ломти рыбной плоти: алые, розовые, лиловые, голубоватые...

И все время от причала к прилавкам снует неугомонная массовка, пронося на головах тяжелые ящики, полные серебристого шелка какой-нибудь макрели.

Тут мы видели одно из самых завораживающих зрелищ карнавала, будто поставленных все тем же вездесущим сценографом Ла Скалы: уже сгрузив товар, на пустой грузовой гондоле стремительно уносились по Гранд-Каналу два рыбака в одинаковых накидках, сшитых из множества треугольных лоскутков – бирюзовых, солнечно-желтых, винно-красных, фиолетовых, черных и белых – какая веселая пестрядь лопотала в той безумной чешуе! Каждый лоскут, как флажок, пришит лишь одной стороной, и трепыхался на ветру, отчего накидка шевелилась на спине, как живая шкура. И два эти цветастых сказочных дракона летели гонцами по Гранд-Каналу, синхронно погружая в воду багры и синхронно выпрямляясь, взрезая ножом гондолы серо-зеленую толщу воды...

...В Академии Борис собирался показать мне только две картины. Он всегда клятвенно уверяет меня, что мы лишь «заскочим на минутку в один зал, бросить взгляд», и всегда мы застреваем там на полдня, после чего, еле передвигая пудовые ноги (как известно, ни один военный поход по изнурительной тяжести не может сравниться с топтанием по залам музеев) – я годна лишь на то, чтобы добрести до койки в отеле и надолго обратиться в святые мощи...

На сей раз он торжественно обещал, что речь идет максимум о часе, ну... двух, «вот, смотри – мы буквально пробегаем все первые залы: Карпаччо – на фиг, Беллини – на фиг, Джорджоне и Бассано – свободны навек...

Вот, да, – именно этот зал, по нашей оконной теме... Подойди-ка сюда... Стань по центру, отсюда лучше смотреть. Вот и смотри... и смотри...»

И умолк: кот, добравшийся до сметаны.

Я привыкла. Я даже знаю, сколько нужно помолчать, прежде чем мой муж начнет говорить, объясняя – почему мы стоим именно перед данной картиной. Но на сей раз ничего объяснять ему не пришлось: передо мной развернулась аркада с пиршеством такого размаха, что дух захватывало; сквозь высокие арки мраморной колоннады празднично сияли вдали небо Венеции, розовый камень ее церквей и колоколен, округлые чалмы ее куполов, балконы и балюстрады ее палаццо. А за длинным столом и вокруг него пребывали в кипучем движении знатные патриции и горожане, купцы, карлики и арапчата, и целая гурьба беспокойных расторопных слуг. «Пир в доме Левия» – грандиозное, во всю стену огромной залы плотно кисти Паоло Веронезе.

Будто карнавальная толпа хлынула сюда с пьядцы Сан-Марко и застыла в детской игре «замри!» Во всяком случае, персонажи на картине были одеты в те же костюмы, что и утренняя

группа американских туристов на кампо Санта-Мария Формоза. Движение каждого началось минуту назад, и в любую минуту было готово продолжиться.

Казалось, можно войти в картину, усесться за стол, налить себе вина, побродить среди колонн, потрепать за щечку девочку на переднем плане... Можно было без конца рассматривать и открывать все новые бытовые детали, – например, как идет носом кровь у одного из персонажей...

– Какая сила, а? какая легкость цветовых сочетаний... – проговорил мой художник с явным удовольствием. – Краски прямо звенят, кипят!.. И ведь ему, в сущности, плевать на историческую основу евангелий: разве это древняя Иудея? Какой там Левий, при чем тут времена Иисуса! Его интересуют только Венеция и венецианцы – их жизнь, быт, одежда.

– Да уж, – заметила я. – Некоторая цветовая э-э-э... отвага в одежде присутствует: тона, прямо скажем, витражные... Такая книжка-раскраска в детском саду. Вон, Иисус – хитон розовый, плащ на плечах темно-зеленый. Воображаю кого-то из моих знакомых в подобном прикиде в общественном городском транспорте, например.

– Ну и что, это были джинсы и блейзеры того времени, – возразил Борис. – Хотя, насчет цветовой жизнерадостности ты права – она и вышла ему боком: его вызывали в суд святейшей инквизиции, за богохульство – как, мол, посмел в евангельской сцене изображать шутов, карликов, пьяных немцев и прочие непристойности... Между прочим, есть протокол допроса.

– Да что ты! А он?

– Он держался молодцом: а что, говорит, у художника есть те же права, что у поэтов и безумцев...

– Неплохо. А инквизиция в те годы уже не сжигала художников?

– Не помню подробностей, но с Веронезе как-то обошлось. Он много чего еще написал, и везде – праздник, свет, огромные окна или арки в голубое небо. В конце концов, все дело в самоощущении художника. Веронезе всегда стремился вовне, его привлекал внешний мир, выход в него, отсюда и окна, и все эти сквозистые арки... А теперь вот сюда посмотри... – Он взял за плечи и развернул меня лицом к картине на соседней стене. – Совсем иной мир, правда? А жили в одном городе, наверняка хорошо знали друг друга.

Это была «Пьета» Тициана. Классический сюжет – оплакивание Христа. Сцена, как и полагается, мрачная по настроению: мертвое тело, окаменевшая в своей скорби Мария, вопящая в пустоту Мария Магдалина и коленапреклоненный старик Никодим, в котором Тициан, говорят, изобразил себя самого.

Да, это не пир... Вот уж где мрачный тупик – глухая ниша в стене, темный камень, полное отсутствие окон или арок; ни воздуха, ни света, ни надежды. Все сумрачно в этой последней картине Тициана.

– Похожа на надгробную плиту...

– Именно. Он и замыслил ее как собственное надгробье в любимой церкви Фрари, мечтал, что его там и похоронят. Но не вышло... Он ведь не закончил картины – ухаживал за больным сыном (была очередная эпидемия чумы), заразился и умер... Так что, заканчивал картину его ученик Пальма-Младший, и одному богу известно – сколько там напортачил.

– Какой-то бурый сумрак... – почему-то перейдя на шепот, сказала я.

– Да, краски скрытые, приглушенные, но смотри, какая – в каждом ударе кисти, – мощная осязательная пластика!

Он повторил, задумчиво продолжая разглядывать картину:

– Да: невероятная пластическая мощь. В сравнении с нею даже персонажи Веронезе кажутся фанерными... И ведь это писал глубокий старик, изживший все, кроме своего могучего дара!

– Нет, не вижу, – в сомнении пробормотала я, – не понимаю... Будто все под водой.

– Совершенно справедливо. Это – отчаяние человеческого существа, что погружается на дно небытия. Или, если хочешь – судьба Венеции, уходящей под воду. Во всяком случае, о Венеции это говорит мне больше, чем все литературные и исторические...

– А ему было п-п-п-левать, что Господь т-т-т-трахнул его жену?

Звонкий молодой голос раскатился по залу, подпрыгивая на согласных... Мы оглянулись, и я тихо пихнула мужа локтем в бок. Вот уж кого совсем не ожидала тут увидеть.

Наши мимолетные попутчики с катера стояли недалеко от нас, перед картиной с очередным поклонением волхвов. Неясно было – что, собственно, они нашли именно в данной картине, являвшей типовую мизансцену этого евангельского эпизода: в красноватой полутьме пещеры – благообразный старик Иосиф, слишком миловидная и ухоженная для хлева Дева Мария над колыбелью с Младенцем, а также овцы, козочка, ослик...

В ответ на резонный вопрос девушки (который, признаться, и меня когда-то интересовал), ее плечистый спутник что-то раздраженно и неразборчиво пробормотал.

– И он ей п-п-поверил?! – простодушно настаивала юная дева. – П-поверил, что у них н-н-не было настоящего секса?!!

Мы переглянулись и поспешили к выходу из зала...

... – Знаешь, что мне напомнили эти любители прекрасного? – сказал мой муж, улыбаясь и ссыпая в кофе сахар из пакетика. – Одну сцену, которую я видел в Русском музее.

Мы сидели неподалеку от моста Академии, за столиком кафе на фундаменте Ферро. В двух шагах от нас, у причала вапоретто, на пяти толстенных сине-красных сваях сидели пять толстенных нахохленных чаек, – по одной на насесте. Тонкий змеиный ветер штопором закручивал в зеленой воде канала мелкие гребешки пены.

Кофе нам принесла официантка с внушительной корзиной цветов на голове. Непонятно, как она с этим грузом умудрялась обслуживать клиентов, да и просто держать равновесие. При виде нее я вспомнила сразу и ящики с рыбой у торговцев на сегодняшнем рынке, и пожилых узбечек моего детства, с тазами, полными яблок на головах.

– Я оказался там в один из приездов в Питер, – где-то в конце семидесятых. Ну и, в очередной раз выстаивал перед «Последним днем Помпеи». Как я стою, ты знаешь – пятнадцать, двадцать, сорок минут... Рядом со мною стоит какой-то мужик, по виду – совершенный работника. Ну совсем уж странный в окружении изящного искусства. Он стоял и как-то ошалело разглядывал всю эту багровую вакханалию Везувия, всю, так сказать, роскошь сюжета – понятно, что живописные и композиционные глупости его не волновали... И вот на какой-нибудь двадцатой минуте этого остолбенения он вдруг широко развел руками и всей грудью выдохнул великую фразу: – «Все попадало!!!»

Я кивнула:

– Бывает, конечно. Шофер-дальнобойщик, выперли его из гостиницы раньше времени за вчерашнюю пьянку. А тут дождь, спрятаться негде, деньги пропил, а билет в музей стоит копейки... Согласись, что эти в зале Академии выглядели примерно таким же образом, несмотря на дорогой прикид.

– А что ты про них знаешь? – усмехнулся Борис. – Может, это члены международной банды грабителей музеев на полевых учениях? Разведка боем, так сказать. Проверка сигнализации, расположения залов и переходов...

– Не годится, – отмахнулась я. – С их ростом? С ее внешностью, с таким звонким заиканием? Их же за версту видать обоих.

Боря внимательно проследил взглядом плавное приземление какой-то морской птицы – то ли чайки, то ли альбатроса – на крыше каюты белого катера, и сказал: – Вот и придумай для них сюжет. Сочини – с какой это стати они в карнавальных костюмах оказались вчера на окраине Венеции? Заблудились? А может где – то в сыром подвале была у них тайная встреча

с главой нарко-картеля? И как это их в музей сегодня занесло – шли в казино, ошиблись дверью?... И не маши на меня, чего руками-то махать. Мое дело маленькое: ты придумай, а я тебе картинку с ними напишу...

Сваи у причала набережной торчали вкривь и вкось, как иглы в портновской подушечке. Едва ли не на каждом балконе палаццо, за именем которого лень было лезть в путеводитель, колотились на ветру малиновые с желтым флаги Венеции: крылатый лев, по-хозяйски положивший лапу на евангелие от святого Марка.

Ночью я проснулась от гулких веселых выкриков.

Чертыхаясь, поднялась выпить воды и подошла к окну.

Оживленная компания, не успевшая за ночь растратить силы, возвращалась, надо полагать, с костюмированного бала, какие в период карнавала устраивают для избранных персон дирекции знаменитых палаццо и дорогих ресторанов.

Наше окно выходило на крошечную площадь со старинным колодцем, похожим на могучий, кудрявый от мраморных кружев, пеня. В глубокой чаше площади золотой – в свете круглых фонарей – туман; еще не вязкий студень неббии, но вполне ощутимые клубни холодных паров Лагуны. В этом подводном тумане четыремя резвящимися рыбами плавали двое мужчин в черных треуголках и черных плащах, и две женщины, закутанные в белые накидки. Один из мужчин что-то выкрикнул басом по-немецки – дамы дружно и очень заразительно засмеялись. У себя в Ганновере или в Саарбрюкене, подумала я, они в это время видят десятый сон и соблюдают покой соседей...

Компания пересекла площадь и удалилась в низкую арку в дальнем ее краю. И там, внутри, еще похохатывало гулкое эхо ответной женской шутки, потом все звуки проглотил и зачавкал туман.

В этот миг – такое со всеми случается – мне показалось, что я не раз видала этих людей, закутанных в плащи и накидки, ныряющих в эту, вот, гулкую старую арку; что в другой жизни я, вероятно, здесь родилась, и вид гуляк, под утро бредущих домой, старый колодец в центре площади, и томительное эхо поздних голосов в тумане венецианских дворов, – когда-то были мне привычны, и мною любимы, как в нынешнем воплощении любимы и привычны испепеленная жарой небесная твердь над Иудейской пустыней...

– Что там, гульба? – сонно пробормотал Борис.

Я легла и сказала вполголоса:

– Насчет тех двоих: это дядя с племянницей...

Он приподнял голову с подушки, молча вглядываясь в темноте в мое лицо.

– Он – азербайджанский нефтяной воротила, – продолжала я шепотом. – Отец девушки недавно умер, мать не в состоянии сладить с дочерью: слишком уж резва. Тогда младший брат отца – а он давно тайно влюблен в племянницу, – сбегает с ней в Венецию на три дня. Предлог – сироту надо пристроить в приличный европейский колледж...

– ...и заодно потренироваться здесь в английском, – буркнул Борис, снова откидываясь на подушку, – а то азербайджанский им обоим надоел. Слушай, какой колледж в феврале? Нет, это полная чушь, они вовсе не родственники. Он – турок, глава крупной страховой компании. У него в Риме встреча с партнерами. Он берет с собой юную секретаршу и вылетает на три дня раньше, чтобы...

– ...чтобы, опять-таки, потренироваться в английском, – подхватила я. – Не годится! У турчанки семеро строгих братьев-мусульман, которые за подобную вольность с сестрой оторвут главе страховой компании яйца... И еще: ни азербайджанский воротила, ни турецкий страховщик не попрутся в галерею Академии, будучи в Венеции в период карнавала.

– Согласен... – он похмыкал, подумал. – Тогда вот что: мужик – владелец одной из лондонских картинных галерей. Вообще-то, он албанец.

– С какой стати?

– Родился таким. Но закончил Кембридж.

– Ах, вот как... Ну а она?

– А ее он как раз подцепил в Риме, в гостинице. Она не совсем проститутка, просто девушка в обслуге отеля. Отсюда приличный английский. Вполне возможно, что она студентка; она фантастически красива, привыкла к ошарашенным взглядам мужчин, на сей раз решила чуток подзаработать: мужик явно богат, обещал хороший отель, шикарный карнавальный костюм, то, се... Причем, обещания свои выполнил, хотя надоела она ему уже на второй день знакомства.

– Такая красавица? Вряд ли...

– Тогда не знаю. Видимо, у меня творческий кризис... Вообще, я бы еще поспал часик...

3

Мы купили мне полумаску, испещренную нотными знаками – надо же хотя бы минимально соответствовать игровому буйству карнавальной толпы.

Между прочим, ничего особо веселого в венецианских масках нет: они зловещи. Попробуйте надеть хотя б одну и гляньте на себя в зеркало – вы отшатнетесь. Неподвижность маски придает образу невозмутимость покойника и вызывает в памяти древние ритуалы диких народов. И оно понятно: обстоятельства жизни в те людоедские времена требовали от человека перевоплощения в иную, желательную, страшноватую сущность, дабы отпугивать врагов, болезни и смерть. Недаром чуть ли не самой популярной маской в Венеции была «доктор чумы», с ее ужасающим носом-клювом, – впрочем, вполне объяснимым: в эпоху опустошительных эпидемий в этот клюв засыпались благовония, якобы оберегающие врача от заразы.

Как ни странно, наиболее живыми и убедительными ряженые выглядят сзади; так, в теснейшем переулке мы с трудом разминулись с японским самураем в полном боевом облачении; спереди он был смешон, сзади – страшен. В другой раз навстречу нам стремительно шел пилигрим (полы длинного балахона распахивались от быстрого шага, на плече полукруглой скаткой лежал алый плащ). И обернувшись вслед, мы восхитились лаконичной целостностью образа, его уместностью меж темных кирпичных стен, как бы пропитанных ненасытным пурпуром старого вина...

А гондолы, эти странные носатые ладьи, черные грифы лагуны – разве не подходят они более всего к перевозке мертвых на Сан-Микеле? Разве чуткое воображение человека впечатлительного могут заморочить дурацкие украшения, которыми современные гондольеры привлекают туристов, – вроде золоченных морских коньков и фигурок святого Микеле с флажком Италии в руке? Разве не бросает в дрожь от одного лишь взгляда на расшитые цветным стеклом спинки роскошных кресел, втиснутых в узкие ребра этого скорбного погребального челна?..

Кстати, великолепие венецианских витрин с искрящимся водопадом цветного стекла и фарфора, с хороводом масок и костюмов действует на воображение именно своим мощным цветовым напором, избыточностью материала и форм. Но стоит купить за какие-нибудь 15 евро одинокий сувенир... как он немедленно (словно золушкина карета – в тыкву) превращается в ширпотреб. Проверено. И даже изящные украшения из цветного стекла Мурано не играют, не работают, никого не украшают в каком-нибудь Бостоне, Калуге или Иерусалиме. Они восхитительны здесь, в этом городе, когда они – часть зачарованной стихии, застывшие капли и гребни адриатической волны, кристаллический образ лагуны, фигуры и монстры потаенных снов...

Так тускнеет извлеченная из воды влажная галька, что минуту назад переливалась золотистыми и фиолетовыми искрами в прозрачной волне. Так умирает жемчуг...

Вечерами броуновская бестолковщина карнавала сгущалась в заторы с истерическим весельем: то и дело группки ряженных перекрывали улицу или переулок, пока какой-нибудь арлекин или кавалер, с торжествующим криком «шайсе!», наконец не одолевал пробку в бутылке шампанского, и страшно гогоча, приставив бутылку к чреслам, не запускал в лиловое небо пенящуюся струю.

Ночной холодный воздух взрывался голубыми залпами электрических шутих – их поминутно пуляли вверх азиатского вида торговцы. На каждом шагу под фонарями ахали петарды, извергая радужный пепел конфетти, и во все концы бескрайней пьящцы мела цветная пурга.

Голубей же на площади – на этой самой большой голубятне мира – в дни карнавала совсем было не видать. Вероятно, это ежегодное мучение они воспринимали как величайшее бедствие, нечто вроде гибели Помпеи.

Кошки тоже прятались от толпы, а вот собачек мы встречали много: некоторые приехали сюда туристами, их прогуливали в дубленках, в цветных тужурках и свитерках. Двух престарелых псов мы видели за стеклом витрин – они дремали на своих ковриках, не реагируя на приставания надоедливых уродов снаружи. Один лишь голову поднял, приоткрыл ленивый глаз: «Ну, живу я тут!»...

Небольшая черная такса привычно и приветливо глядела из гондолы, – видимо, хозяин-гондольер всюду возил ее с собой. А на морду еще одной, особенно послушной, юмористы-хозяева нацепили маску кота. И ей богу, она не выглядела более странно, чем большинство туристов.

По карнизам, над арками, под окнами, в вывесках всех кафе, трактиров, остерий – словом, всех едален, которые в Венеции называют общим словом «бакари» – сияли россыпи лампочек-крошек; ими, как блескучей пудрой, присыпаны были голые ветки очень редких деревьев.

Перед окнами кафе и ресторанов движение публики замедляется: хозяева каждого такого заведения для привлечения клиентов нанимают статистов, а те усердно позируют. А как не остановиться, как не поглазеть на изобретательно продуманные и безукоризненно сшитые костюмы!

В арках Прокураций перед входом в какой-то ресторан стояли два кавалера – один в серебристом, с длинными кудрями, парике, другой в таком же, но белокуром. Камзолы сидели на них, как влитые. Руки в белых перчатках покоились на набалдашниках тростей... Ребята «работали»: почтительно беседуя, медленно подходили к окнам ресторана, протягивали руки, будто указывая друг другу на диво дивное, долго вглядывались в ярко освещенную залу, медленно поворачивались, восхищенно потряхивая бучьями парика: приглашали публику припасть и восхититься...

– Да это же «Флориан»! – воскликнула я. – Пойдем, глянем поближе...

Мы протолкались к окнам заведения. Там, внутри, высоченный красавец в костюме кавалера 18 века, с мушкой на беленой щеке, галантно беседовал с дамами. И уж так хорош, бестия: пудренный парик с косицей, атласные штаны до колен, шитый золотом атласный камзол, туфли с бантами... Он и на окна успевал взгляды бросать, и всем успевал улыбнуться.

– Помещеньице, между прочим, тесноватое, – заметил Боря. – Чем знаменито?

Я рассмеялась, вспомнив давний приезд в Венецию с Евой, на ее восемнадцатилетие: яркий весенний день, звуки прелестной джазовой композиции из открытых дверей какого-то

ресторана в аркадах Прокураций. Молодой кудлатый пианист в белоснежной рубашке, с закатанными по локоть рукавами, играл на старом фортепиано и пел, и замечательно пел хрипловатым голосом «Giorgia on my Mind». Ему подыгрывал скрипач, и скрипач тоже был неплох.

– Чем знаменито? Да просто: первое кафе в Европе, Боря. Легенда Венеции, Боря, восемнадцатый век. Не говоря уж о том, что бывали тут все – от лорда Байрона и Казановы, до Бродского. И цены почтенные – такие, что кровь в жилах стынет.

...Это были времена, когда – при всей моей склонности к безответственным тратам – мы все же старались держаться в режиме экономии, и каждое утро, перед тем, как выйти из пансиона, мастерили с Евой бутерброды на целый день, справедливо полагая, что рестораны нам не по карману... А тут застряли, заслушались – уж очень обаятельно играл и пел кудрявый пианист; голос не сильный, но приятного тембра...

Мам, робко сказала Ева, но это же никакой не ресторан, а кафе, может, даже просто кондитерская. Давай, зайдем? Полчаса тут торчим бесплатно, пялимся... как нищие.

Я сдалась. И мы, две прекрасные синьоры, – под романтические синкопы лучшей джазовой музыки – торжественно уселись за один из вынесенных наружу столиков и заказали по чашке кофе.

Мягкое солнце покидало площадь, отдавая последнее усталое золото округлым куполам Собора Святого Марка. Он стоял в блеске и сини своих мозаик, и золотокрылые ангелы на треугольном фронте с обеих сторон без усталости восходили и восходили к Евангелисту Марку над золотокрылым львом.

Молодой пианист играл негромко и легко, и последний солнечный луч, шаривший в аркадах, на целых пять минут застрял в смоляных его кудрях. Так и пел он, с этим золотым нимбом над головой. А пожилой скрипач – пузач и коротышка, – совершал массу еле заметных танцевальных движений в такт синкопам, и словно этого было мало, еще и подтанцовывал мохнатыми бровями...

Мы с царственными улыбками сидели на изящных стульях с гнутыми спинками-вензелями. И пока музыка продолжала кружить над нами в вечернем воздухе, мы помнили, кто мы: две прекрасные синьоры, черт возьми. Я смотрела на Еву и говорила себе, что моя девочка, моя красавица... она заслуживает лучшего, чем чашка кофе в паршивой забегаловке; что когда-нибудь, когда я напишу что-то стоящее и заработаю кучу денег, я поведу ее в такое особенное, потрясающее место, где одна только чашка кофе будет стоять...

Наконец музыка смолкла, солнце опустилось за купола Собора, погасив разом все мозаики. Искристая смальта, яшма и порфир утонули в глубокой тени. Черные купола и готические башенки Собора остались приклеенными на темно-зеленом небе.

Нам принесли счет...

Минуты две мы сидели в полном молчании, не глядя друг на друга. Это был несусветный, бестыжий, уму непостижимый счет; в нем значилось буквально следующее: «кофе – 2 шт. живая музыка – 2 шт.». И сумма, равная едва ли не половине самолетного билета.

Наконец Ева улыбнулась дрожащей улыбкой и предложила:

– Давай скажем, что я глухая!

...И вот это легендарное кафе, сияющее изнутри огнями, сейчас было забито публикой – счастливицами, успевшими войти и занять столики. И верзила-кавалер прогуливался среди изысканно костюмированных мужчин и женщин, склонялся к изящной ручке в длинной перчатке, шептал на ухо пожилой даме что-то такое, отчего та, закинув голову с тяжелой прической, увитой лентами и бисерными нитями, заходила неслышным голубиным смехом, так что трепетал ее двойной подбородок...

Как и было задумано, отсюда все выглядело театральным действием. И хотя в зале ровным счетом ничего не происходило, просторное окно-сцена, старинный интерьер в кулисах бархатных портьер, разодетые господа внутри, пьющие чай из тонких чашек антикварного фар-

фора, привлекли внушительную толпу, облепившую окно снаружи так, что мы оказались зажатые со всех сторон.

– Давай выбираться, – сказал Борис, – что это мы тут, как сельди в бочке.

В эту минуту, бросив последний взгляд на убранство зала, я увидела, как в дверях возник наш знакомец-мавр, – он же турок, азербайджанец, главарь банды грабителей музеев и владелец галереи в Лондоне. Ростом он почти был равен нанятому гиганту. Откинутый капюшон плаща лежал у него на плечах, являя контраст заgrimированного лица и более светлых черепа и шеи. Как будто не успевший отмыться трубочист ввалился туда, куда его не приглашали. Оглядывая зал с недовольным видом, наш мавр пустился в объяснения с пожилым метрдотелем. Тот – старичок в камзоле и парике, – сокрушенно разводил руками.

И тут у меня над ухом грянула резкая трель мобильного телефона.

– Т-ты че звонишь! – приглушенно произнес по-русски запинаящийся женский голос. – Я т-те сказала: н-не звони! Т-т-ты ж все угробишь!

Я оглянулась, не веря своим ушам. «Дездемона» в серебристой маске, с загнанным выражением в отчаянных зеленых глазах невидяще смотрела перед собой и торопливыми губами неразборчиво – в шуме толпы – что-то говорила в трубку. Кажется, она даже задыхалась от волнения. Я смотрела на нее, не отводя глаз: она была полностью погружена в разговор со своим невидимым собеседником и дважды отерла пот со лба (в этой-то холодрыге!) дрожащей рукой.

А Борис уже выбрался на площадь и махал мне, вызывая из толпы.

– Не п-получается! – вдруг почти выкрикнула она. – Он ч-чуткий, как х-холера! – И раздраженно, и умоляюще одновременно: – Н-не звони, Боб, опасно, я с-сама выйду на связь... – и еще громче: – Н-нет! Н-не смей! – и низко, придушенно: – Все, идет!!!

Я ликовала. Вот он, сюжет! Вот он, бесценный дар карнавала, вернее, подачка, оброненная в толпе. Но как поднять ее, как незаметно развернуть смятую, перекрученную и затоптанную интригу?

По дороге в отель мы обсуждали новую ситуацию, ахая, восхищаясь, останавливаясь и в азарте хватая друг друга за руки.

– Видишь, – возбужденно говорила я, – а ты заявил, что только в старину, когда карнавал был делом городским, внутриклановым... тут свершалось свое интимное быть-или-не-быть... и что сейчас не бывает смертельных интриг. Вот тебе, пожалуйста: явная афера, возможно, и смертельная – мошенники на охоте за бумажником престарелого фраера!

– Он не такой уж и фраер, – возражал мой муж. – Ты же сама слышала, он чутко спит. Так что, коварный план пока не удался.

– Чепуха, – отмахивалась я. – Спит чутко, как все пожилые гипертоники... Черт возьми! А мы за кого только ее не принимали! За турчанку...

– А что, кривой турецкий ятаган свои семена повсюду сеял, в том числе и на ридной Украине...

– Интересно, что она задумала, миленькая бестия? По-хорошему, надо бы мужика предупредить, знать только – в каком отеле они остановились...

– Еще чего! – возмутился Боря. – А вдруг все наоборот? Вдруг девушка спасает кого-то от смертельной опасности? Вдруг она, как Юдифь, кинулась в объятия главаря мафии во имя спасения своего любимого? Нет уж, дай свершиться всем перипетиям комедии дель-арте, или трагедии Шекспира. Вдруг он ее задушит согласно купленным костюмам?

И за полночь мы, перебивая друг друга, придумывали все новые и новые повороты сюжета. Некоторые, особо удачные, я даже записала – вдруг пригодятся потом, в работе... Заснули поздно, проспали свою третью рассветную стражу, так что, когда вышли из отеля, кое-кто из ранних пташек уже фланировал по улицам: утро оказалось ветреным, солнечно-резким, отчетливым, с синими тенями в глубине арок.

На Сан-Марко за одним из целой флотилии столиков «Флориана» пили кофе и непринужденно болтали две пышно одетые дамы с глубокими декольте, одна – в белокурором, другая в голубом парике. Надо же и статисткам позавтракать...

Обе были из тех, кто вчера сидел внутри, изображая аристократическую публику восемнадцатого столетия. Казалось, они так и не уходили на ночь, лишь прихватили свои чашки, переместившись утром на воздух. Возможно, так оно и было, потому что одна из дам широко, совсем не аристократически зевнув, достала из пачки сигарету и закурила.

Вокруг них кружил толстый турок с огромной чалмой на голове, размером с колесо грузовика, – отпуская, судя по всему, шуточки: после каждой девушки улыбались – одна благосклонно, другая сонно-снисходительно... Потом турок отвалил, а статистка в пудреном парике стала что-то эмоционально рассказывать подруге, поправляя развившийся локон рукой с сигаретой, зажатой между пальцами. Ветер перебирал богатые кружева ее широких рукавов, и зябко было смотреть на роскошное декольте старинного платья, в котором покоились пышные груди, идеально упакованные в корсет.

Ее подруга в голубом парике улыбалась, кивала и улыбалась... и вдруг расплакалась...

И вот тогда над площадью пролетела неуловимая усталость. «Anima allegra» – смеющаяся душа карнавала – истончилась и сникла, она возносилась над нами, испарялась, покидала площадь – так душа возносится над телом: карнавал умирал. Рассеялась туманная взвесь, что накануне окутывала здания, фонари и фонтан. Зимнее утро навело резкость на предметы и лица, и захотелось, чтобы уборщики поскорее подмели надоевший цветной сор конфетти, а уставшие девушки-статистки смогли, наконец, уйти домой и как следует выспаться...

– Ну что, – спросил Боря, бодро поеживаясь, – куда сегодня двинем?

После полудня ветер устервился и вовсе перестал миндальничать: встречные дамы, одной рукой придерживая рвущиеся вбок и вверх пышные юбки, а другой контролируя статичность закрепленного шпильками парика или шляпы, быстро исчезали с площади и окрестных улиц. Небо набухало тревожной тяжелой скукой – погода явно менялась к худшему...

Но по набережной Скьявони, как и вчера, и позавчера, упрямо брел человек-оркестр, вернее, человек-оркестрик.

Каждая часть его тела была приспособлена к извлечению какого-нибудь звука. К спине был привязан огромный круглый барабан с литаврами, и человек время от времени просто лягал этот барабан пяткой, будто пенделя давал самому себе. Барабан издавал гром и лязг литавр. В руках человечка коротеньким удавом разворачивалась и сворачивалась гармоника; на голове сидел металлический колпак с бубенцами разных размеров и регистров, и когда он эпилептически дергал головой, те звенели, крякали, лопотали и гремели на все лады. Музыкай все это предприятие назвать было трудно, но какофония звуков и чередование ударов, вкупе с забавной фигуркой чуть ли не карликового роста, очень нравились встречным. Во всяком случае, в жестянку, подвешенную к гармонике, монеты падали не так уж и редко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.